

"Памятник" Ходасевича

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906--1922. -- М.: Согласие, 1996.

Составление и подготовка текста И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова.

Комментарии И. П. Андреева, Н. А. Богомолова

OCR Бычков М. Н.

1

Владислав Ходасевич принадлежит к тем русским поэтам, которые написали свой "Памятник". Восьмистишие с этим заглавием датируется 1928 годом, и хотя автору предстояло жить еще одиннадцать лет, стихов он в это последнее десятилетие уже почти не писал, так что и в самом деле "Памятником" поэт сознательно и ответственно завершал свой путь. "Памятник" -- редкий вид стихотворений, на который право имеют редкие поэты. Ходасевич знал за собой это право, но памятник он себе поставил мало похожий на классический державинско-пушкинский образец. В этом торжественном жанре он вывел себе неожиданно скромный итог; он отказался от громкого тона и пафоса и оставил нам выверенную, сдержанную и трезвую формулу своей роли и места в поэтической истории.

Во мне конец, во мне начало.
Мной совершенное так мало!
Но всё ж я прочное звено:
Мне это счастье дано.

Счастье и гордое и скромное -- быть, послужить, остаться прочным звеном. Скромное в своей гордости и гордое в своей скромности. Но -- звеном в какой цепи, в какой связи, в какой традиции, если здесь же сказано -- "Во мне конец, во мне начало"? Как понять эти слова поэта, что за странное он звено -- и последнее, и оно же первое, а в общем какое-то одинокое, словно бы выпадающее из всей цепи? Всего лишь малое звено, принимающее на себя интонацию Баратынского ("Мой дар убог, и голос мой не громок..."), и оно же прочное, то есть такое, которое держит цепь? Одинокое и прочное? Словно бы прямо текстом стихотворения нам задается вопрос, и касается он самой сути поэзии Ходасевича и судьбы поэта.

Судьбой Ходасевича было литературное одиночество -- судьбой, им самим осознанно избранной. "Мы же с Цветаевой <...> выйдя из символизма, ни к чему и ни к кому не пристали, остались навек одинокими, "дикими". Литературные классификаторы и составители антологий не знают, куда нас приткнуть". Так он вспоминал в очерке "Младенчество". В самом деле, Ходасевич и Цветаева -- именно эти двое из больших поэтов эпохи до такой степени ни с кем не группировались и ни во что не входили, не связывали свой путь, хотя бы на время, ни с каким художественным и философским направлением эпохи, школами, группами и "цехами". Вероятно, это было непросто в ту пору интенсивных группировок, и на такую степень невовлеченности, неангажированности нужна была творческая воля. Впрочем, сам Ходасевич эту свою литературную неприкаянность не раз объяснял более просто -- промежуточностью рождения и, соответственно, вступления в литературу между поэтическими поколениями -- между "начинавшим себя исчерпывать" символизмом и еще не сложившимися новыми течениями. Н. Берберова назвала его "поэтом без своего поколения" {Берберова Н. Памяти Ходасевича // Современные записки (Париж). 1939. Кн. LXIX. С. 259.}. Однако мы должны признать такое заключение и объяснение самого поэта лишь относительно верными, хотя и в самом деле год рождения многое определял в ту пору интенсивной и быстрой смены набегавших одно на другое направлений и школ. Но ведь называет же Ходасевич тут же, в "Младенчестве", как своих ровесников Городецкого и Гумилева, учредителей петербургского акмеизма, к которому он "не пристал", вероятно, не только лишь потому, что был москвичом.

Так или иначе, с самого вступления в литературу он очутился "на перекрестке двух дорог", который затем в его судьбе воспроизводился все заново и по-новому и на котором в конце концов он